

Глава 40

В доме Сунь царил переполох. Кроме гостевой спальни, комнаты прислуги и кухни, расположенных на первом этаже, все остальные помещения находились на втором, благодаря чему гостиная была огромной и заставленной всевозможной мебелью и предметами декора.

Испугавшись, существо метнулось в сторону и, не разбирая дороги, врезалось головой в стену.

Не останавливаясь, оно закружилось на месте и в мгновение ока юркнуло под обувной шкаф.

У Вэйвэй и супруги Сунь, как по команде, посмотрели на Чэнь Лина. Все вместе они проследовали за ним от обувного шкафа к антикварной витрине с вазой, а оттуда — к электрическому щитку.

Цзян Юй в этой суете не участвовал. Он держал в одной руке оцепеневшего попугая, а в другой — Сунь Чжи, которого притащил с верхнего этажа, и теперь с ленивым интересом наблюдал за юношей, собиравшимся сдвинуть с места музыкальный центр.

Аудиосистема была небольшой, и Чэнь Лин без труда её отодвинул. Провода за ней были аккуратно уложены, так что всё было на виду.

Он выпрямился и снова обвёл взглядом комнату, внимательно осматривая каждый предмет мебели, не упуская даже торшер, под которым спрятаться было невозможно.

— И куда же оно делось? — пробормотал он и, к всеобщему изумлению, вдруг опустился на колени, припав к полу.

Наклонившись, он заглянул под диван и встретился взглядом с парой чёрных круглых глаз.

Существо было небольшим, с бледно-оранжевым мехом на спине и лапах и белоснежным брюшком.

Оно, видимо, не ожидало, что его так быстро обнаружат в столь укромном месте. Глаза его испуганно дрогнули, и оно стало пятиться вглубь. Оглядевшись по сторонам и выбрав момент, зверёк бросился наутёк.

Чэнь Лин, опёршись о диван и журнальный столик, поднялся на ноги с растерянным видом.

— Что случилось? — спросил У Вэйвэй, подумав, что тот напуган.

Чэнь Лин моргнул.

— Это хуаншулан.

— А?

— Как хуаншулан мог оказаться в нашем доме? — Сунь Пэйфэн схватился за голову. Одна проблема сменяла другую, и конца этому не было видно.

Госпожа Сунь спряталась за спиной мужа. Она и раньше слышала о Хуан Дасяне и знала, что это существо весьма необычное.

— Пэйфэн, а он... он не причинит вреда Цзяюю? Я должна пойти к нему, посторожить.

Сунь Пэйфэн не знал, что ответить, и вопросительно посмотрел на Чэнь Лина.

Вспомнив, как неуклюже жёлтый комочек врезался в стену, Чэнь Лин покачал головой.

— Не нужно.

Раз уж мастер сказал, что не нужно, госпожа Сунь решила остаться. Вместе ведь не так страшно.

Тело хуаншулана было гибким, он мог проскользнуть в любую щель. Чэнь Лин с досадой потёр лоб, размышляя, как выманить его наружу.

— Господин Чэнь, может, нужна сетка? — шёпотом спросила госпожа Сунь, боясь спугнуть зверька.

— Какая сетка?

— Пэйфэн увлекается рыбалкой, у нас есть небольшой сачок с длинной ручкой. Думаю, он отлично подойдёт, чтобы поймать эту тварь.

— Давайте попробуем, — согласился Чэнь Лин. В такой ситуации он был готов на всё.

Госпожа Сунь беззвучно отдала распоряжение служанке, и та быстро принесла сачок из кладовой рядом с её комнатой.

Чэнь Лин взял его в руки, взмахнул пару раз. Рукоять была лёгкой, около двух метров в длину — идеально для ловли на расстоянии.

Он едва слышно шикнул в сторону Цзян Юя. Притворявшийся мёртвым попугай тут же ожил и уже было открыл клюв, чтобы ответить, но мужчина двумя пальцами зажал его верхнюю и нижнюю челюсти.

Птица обиженно задёргалась, но, поняв, что сопротивление бесполезно, решила снова умереть.

— Ищи сам, на меня не надейся, — сказал Цзян Юй, поняв его намёк.

— Жмот.

Без сверхчувствительного слуха, зрения и обоняния, полагаться только на свои пять чувств было бесполезно. Оставалось лишь загнать зверька в угол.

Чэнь Лин, которому в голову пришла идея, подозвал У Вэйвэй, вручил ему несколько талисманов и велел наклеить их на лестнице и окнах. Затем он начал методично «прочёсывать» комнату сачком, не пропуская ни единого уголка.

Операция проходила успешно, осталась неисследованной лишь четверть гостиной.

Чэнь Лин крепче сжал сачок и напряг слух. В полной тишине раздался едва уловимый звук, похожий на скрежет когтей по полу.

Затаив дыхание, он резко шагнул влево, схватил большие напольные часы и потянул их на себя, одновременно быстро заведя другую руку за них.

В тот момент, когда сачок коснулся пола, в воздухе распространился ужасный смрад.

Неописуемый запах быстро заполнил комнату, заставив супругов Сунь согнуться пополам от тошноты.

У Вэйвэй, зажав нос, попятился назад, оставив своего Чэнь-гэ в одиночестве противостоять этой атаке.

Чэнь Лин был готов расплакаться от вони, но отпустить сачок не мог. Зажмурившись, он достал талисман и, вытянув руку как можно дальше, прилепил его к сетке.

Вонь оказалась запечатана внутри. Отчаянно трепыхавшийся хуаншулан вдруг замер. Густой смрад, окутавший его со всех сторон, оказался невыносим даже для него самого — зверёк был на грани обморока.

Глядя на жалкий вид хуаншулана, У Вэйвэй в душе восхитился: всё-таки Чэнь-гэ мастерски

владеет искусством «око за око». Не каждый до такого додумается.

Госпожа Сунь, зажав нос, открыла окно, чтобы проветрить, а затем включила и систему вентиляции.

Лишь через четверть часа запах в комнате окончательно рассеялся.

Чэнь Лин, опасаясь новой «дымовой атаки», не решался снять сачок и талисман. Он просто сел на корточки напротив зверька.

— Это ты заставил Сунь Цзяюя есть мышей? И как долго ты живёшь в этом доме?

Хуаншулан сжался в комок, отчаянно пряча нос в собственном меху.

— Ты умеешь говорить? — терпеливо спросил Чэнь Лин.

Хуаншулан, задыхаясь от собственного смрада, извернулся под сачком и отвернулся, показывая своё презрение к человеку.

Чэнь Лин потерял дар речи. Эта манера — обидеться и отвернуться — была ему до боли знакома. Неужели у всех маленьких животных привычка показывать своё недовольство, поворачиваясь спиной?

Он поднялся, оставив хуаншулана на полу, и жестом подозвал У Вэйвэя.

— Что такое, Чэнь-гэ? — подошёл тот.

— Сходи в сад, поймай мышь, — сказал Чэнь Лин. — Он заставлял Сунь Цзяюя есть мышей по ночам, значит, он голоден. Попробуем выманить его едой.

У Вэйвэй: «...»

Чэнь Лин похлопал его по плечу, словно доверяя важную миссию, и направился к буддийскому алтарю.

Алтарь тихо стоял в углу. Прежде величественная статуя Будды валялась на столе лицом вниз, курильница была опрокинута, а пепел и сгоревшие благовония рассыпаны повсюду. Уцелели лишь фрукты для подношений, лежавшие сбоку.

Поставив статую на место, Чэнь Лин внимательно её осмотрел.

Лицо Будды с большими ушами и круглыми щеками было исполнено покоя. Глаза широко раскрыты, черты правильные, а губы растянuty в сострадательной улыбке, словно он взирал на всё живое с миром в душе.

Говорят, хуаншуланы от природы обладают духовной силой, а те, что достигли просветления, зовутся Хуан Дасянь. Они впитывают лунный свет, чтобы стать духами, и каждую ночь всем семейством выходят на открытые пространства, чтобы, сложив передние лапы, поклониться луне.

Есть поговорка: «Тысяча лет — чёрный, десять тысяч лет — белый». Речь идёт о продолжительности совершенствования хуаншулана, а чёрный и белый — это цвет его шерсти. Однако «тысяча» и «десять тысяч» лет здесь не то же самое, что у людей, ведь у хуаншуланов своё течение времени.

Чэнь Лин потёр подбородок, снова взглянул на свернувшийся комочек шерсти и нахмурился. Если статуя Будды освящена правильно, она должна излучать милосердие и величие, быть неприкосновенной. Маленький дух не посмел бы прятаться внутри.

— Господин Сунь, пожалуйста, выключите свет в гостиной.

Как только погас свет, Чэнь Лин отодвинул штору и всмотрелся в лицо Будды при лунном свете.

Черты лица не изменились, но изменилось ощущение.

Под глазами Будды залегли тёмные тени, а в зрачках из обожжённого фарфора отражались две светлые точки. Но самым жутким были его губы.

Из-за игры света и тени уголки его рта, казалось, были опущены, словно он сдерживал гнев, и этот изгиб придавал лицу злое выражение.

Чэнь Лин взял статую в руки и, глядя сквозь тусклый свет на хуаншулана, сказал:

— У статуи Будды неправильно «открыто лицо». Ты всё это время жил внутри, наслаждаясь поклонением и подношениями семьи Сунь.

Жёлтый комочек шерсти вздрогнул, но по-прежнему молчал.

Чэнь Лин не хотел трогать его руками. Он взял с алтаря яблоко и легонько подтолкнул им зверька.

— Ты ещё совсем маленький, должно быть, тебе очень повезло, раз ты смог встать на путь

совершенствования.

Зная, что комочек шерсти ему не ответит, он продолжил:

— Лицо статуи было «открыто» неправильно. То, что в ней не поселился злой дух, — уже большая удача. О каком покровительстве через ритуал «гоцзи» и признании божества названным отцом может идти речь? Даже если ритуал и был проведён, господин Сунь все эти годы поклонялся не тому божеству, невольно прекратив подношения истинному покровителю. Естественно, тот перестал защищать Сунь Цзяюя.

— Но... но ведь Цзяюю действительно стало лучше после этого! — растерянно возразил Сунь Пэйфэн.

— Господин Чэнь, я хорошо помню, что после трёх лет ношения мешочка «гоцзи» в родной деревне Цзяюю не сразу стало лучше, — вмешалась госпожа Сунь. — Когда мы вернулись в Бэйчэн, он снова попал в больницу. В тот день я вернулась домой за вещами и вспомнила, что забыла сменить подношения Будде. Я положила на алтарь несколько фруктов, которые собиралась отнести в больницу, помолилась несколько раз, прося Будду защитить моего сына. Я пообещала, что если моё желание исполнится, я буду делать двойные подношения.

— И вы делали двойные подношения? — спросил Чэнь Лин.

— Да, да, — закивал Сунь Пэйфэн. — В ту же ночь Цзяюю стало лучше, и его перевели из реанимации в обычную палату. Я решил, что это божественное вмешательство, и на следующее утро сразу же поехал и купил изящную медную курильницу и поднос для подношений. С тех пор я каждое утро и вечер преклонял колени.

Позже, когда Сунь Цзяюя выписали, он, чтобы показать свою искренность и уважение к названному божеству, научил сына тоже делать подношения утром и вечером.

Эта привычка сохранялась до конца июня, пока с Сунь Цзяюем не случилась беда.

— Хуаншуланы, хоть и считаются чаще злыми духами, всё же способны и на добро. Есть те, кто вредит людям, но есть и те, кто отвечает добром на добро. Он совершенствовался благодаря вашей вере, а в ответ защищал Сунь Цзяюя, — Чэнь Лин на мгновение замолчал и, обернувшись к остальным, сказал: — Может, заткнёте носы бумагой? Я собираюсь снять сетку.

У Вэйвэй, который как раз вернулся с пойманной мышью, первым отвернулся, глубоко вдохнул и затаил дыхание.

Цзян Юй слегка нахмурился и тоже перестал дышать.

А вот попугаю пришлось туго. Как только сачок был поднят, сдерживаемая талисманом вонь,

словно голодный зверь, яростно вырвалась наружу. Птица отшатнулась.

В панике она заметалась в руках мужчины и, наконец вырвавшись, не знала, куда спрятаться. Она отчаянно прыгала по полу.

Наконец, её осенило, и она с разбегу засунула голову в штанину брюк Цзян Юя.

Лицо Цзян Юя помрачнело. Он опустил взгляд, собираясь вытащить зарвавшуюся птицу, которая, не зная страха, уже карабкалась по его ботинку, пытаясь залезть глубже.

Чэнь Лин, который как раз посмотрел в его сторону, забеспокоился, что талисман горы Юйхэ задохнётся, и, зажав нос, громко хмыкнул.

Цзян Юй: «...»

Он закрыл глаза, на виске дёрнулся мускул. С трудом подавив желание вытащить попугая, он приказал:

— Хватит.

Попугай испытывал к Цзян Юю врождённый, инстинктивный страх, и лишь благодаря поддержке Чэнь Лина осмелился забраться к нему в брюки.

Чувствуя за своей спиной опору, он на удивление не испугался грозного тона мужчины и, нагло вцепившись когтями в его носок, отчаянно вытянул шею.

Но даже так он не мог удержаться от крика. Пронзительный голос раздался из брюк Цзян Юя:

— Умираю, умираю, сейчас задохнусь!

При виде разгневанного лица Цзян Юя Чэнь Лин едва сдержал смех. Какой дерзкий малыш. Кто не знает, подумает, что он жалуется на запах от самого предка.

Благодаря хорошей вентиляции и современным технологиям, на этот раз запах рассеялся быстро.

Хуаншулан остался сидеть на полу. Его чёрные глаза настороженно следили за смотрящим на него сверху вниз юношей. Он выпятил грудь, готовясь к противостоянию.

В свернувшемся состоянии он был не больше мяча. Должно быть, он очень рано получил дар совершенствования и поэтому навсегда остался таким маленьким.

Чэнь Лин наклонился и протянул к нему руку.

Хуаншулан отпрянул и отвернул голову.

Чэнь Лин сжал ладонь в кулак, оставив лишь указательный палец, и легонько коснулся им маленькой лапки зверька.

— Меня зовут Чэнь Лин. Чэнь, как в «Восточном ухе», Лин, как в «горном хребте». А у тебя есть имя?

Хуаншулан повернул голову и молча посмотрел на него, и было непонятно, понял ли он что-нибудь.

Чэнь Лин принёс табуретку от дивана и сел напротив него.

— Чем дальше ты совершенствуешься, тем больше духовной энергии и подношений тебе нужно. Семья Сунь этого не знала и продолжала делать всё по-старому. Не получая достаточно, ты стал вселяться в Сунь Цзяюя и бродить по ночам в поисках пищи, чтобы восполнить недостаток энергии.

К сожалению, в наши дни в городе мышей почти не осталось. Долгие поиски по всему дому не давали результатов.

Наконец, найдя на балконе живую мышь, он, забыв об осторожности, набросился на неё и съел прямо на месте.

А слабость и истощение, которые проявились у Сунь Цзяюя вначале, а также болезненная аура, о которой говорили монеты У-чжу, были лишь последствиями одержимости хуаншуланом.

Услышав слова юноши, хуаншулан напрягся и лишь спустя долгое время кивнул.

— А когда ты поселился в статуе Будды? — Чэнь Лин предложил два варианта: — Если не хочешь говорить, кивай или качай головой. Если до того, как господин Сунь принёс статую, — кивни. Если после — покачай головой.

Хуаншулан снова кивнул.

Чэнь Лин склонил голову набок, разглядывая его.

— Ты не умеешь говорить?

Хуаншулан покачал головой.

— А кричать умеешь? — нахмурился Чэнь Лин.

Хуаншулан, словно затронули больное место, весь напрягся и после некоторого колебания снова покачал головой.

Оказывается, он немой. Неудивительно, что он так отчаянно убежал, но не издал ни звука.

Чэнь Лин почувствовал себя так, словно обижает слабого.

— У Вэйвэй, принеси мышь.

— Уже несу, — У Вэйвэй осторожно держал мышь за хвост и поднёс её к своему Чэнь-гэ. — Сначала убить и разделать или просто бросить на пол?

— Живую, — Чэнь Лин посмотрел на голый хвост мыши, и по его телу пробежали мурашки. Он хлопнул У Вэйвэя по руке.

Тот рефлекторно разжал пальцы. Мышь, пискнув, упала на пол, но не успела убежать — хуаншулан тут же схватил её.

Вцепившись в шею мыши, он с опаской взглянул на Чэнь Лина и быстро убежал в угол, чтобы съесть свою добычу.

— Что это за взгляд? — спросил Чэнь Лин.

— Бойтся, что ты отнимешь у волка кусок мяса?

— ... — Чэнь Лин потерял дар речи. — Неужели я выгляжу настолько оголодавшим?!

<http://bllate.org/book/13702/1589334>